

ШАНДОР ПЕТЕФИ

К 150-летию со дня рождения

■
Перевод с венгерского и вступление В. ЛЕВИКА

Первые сведения о Петефи проникли в Россию в начале 60-х годов, когда журнал «Русское слово» напечатал о нем статью. Но, хотя в конце века русская публика уже познакомилась с отдельными его стихами по переводам А. Шеллера-Михайлова, Н. Шелгунова да по двум или трем переводам М. И. Михайлова, одного из лучших переводчиков XIX столетия, сосланного за революционную деятельность на каторгу и там погибшего, настоящее рождение русского Петефи произошло только в советское время.

А. В. Луначарский посвятил его жизни и творчеству блестящий очерк, сам перевел целый ряд его стихотворений. В 1925 г. эта статья и переводы вышли отдельной книжкой. После Великой Отечественной войны трудами таких поэтов, как М. Исаковский, Л. Мартынов, С. Маршак, Б. Пастернак, Н. Тихонов, Н. Чуковский, Петефи стал для нас едва ли не своим, русским. Книга венгерского писателя Антала Гидаша о Петефи, его вступительные статьи к изданиям сочинений великого поэта помогли нам узнать не только поэтический, но и человеческий облик Петефи. Недавно на русском языке появилось фундаментальное исследование его жизни и творчества, написанное одним из крупнейших современных поэтов Венгрии Дьюлой Ийешем. Нельзя не упомянуть также о работах советских литературоведов А. Гершковича, О. Россиянова и Е. Умняковой.

Как переводчику Петефи мне приятно вспомнить погожий летний день в очаровательном городке Тарусе, когда я случайно стал невидимым свидетелем состязания двух школьниц. Отделенные от меня стеной густого ивняка, они читали друг другу любимых поэтов, и наряду со стихами Пушкина, Лермонтова, Некрасова до меня донеслись через кустарник и стихи Петефи.

Но, конечно, не пристрастием двух школьниц доказывается популярность Петефи в нашей стране, а тем, что за последние четверть века тираж его русских изданий приблизился к миллиону, если же прибавить переводы на другие шестнадцать языков Советского Союза, то окажется значительно больше.

Несмотря на такое количество изданий, Петефи все еще переведен у нас не полностью. Конечно, главное и, пожалуй, самое лучшее уже переведено. Но у гениальных поэтов нас интересуют не только шедевры. Поучительны и те стихи, которые сам автор по каким-либо причинам ценил меньше, и даже те произведения, от которых остались только отдельные строфы.

Предлагаемые вниманию читателя стихотворения Петефи относятся к последним годам его жизни. На русский язык они еще не переводились. В написанном как бы отрывистыми мазками стихотворении «В полусне» проходит тема, уже не раз волно-

вавшая поэта и оказавшаяся для него пророческой: он видит себя «солдатом Республики». В стихотворении «Республика» эта тема развивается, она воплощена еще конкретнее, и поэт, как бывало уже и раньше, предчувствует, что борьба за Республику принесет ему смерть. Но Петефи не боится этой смерти, он жаждет умереть именно так. Об этом в полный голос говорит его стихотворение 1846 г., много раз у нас печатавшееся в переводах разных авторов, где поэт совершенно точно предсказывает свою трагическую судьбу и мужественно идет ей навстречу.

Он действительно умер не у себя дома, не «угас, как свеча», лежа «в спокойной постели».

Он погиб во время конной атаки неприятеля.

Жена поэта
Юлия.

Улыбнись мне, Юля дорогая!
Среди звезд, меж роз родного края,
Нет — во всей вселенной — что сравнится
С нежною улыбкою твоей?

Если взор твой омрачили тучи
И не может ветерок летучий
Их прогнать — задобри непогоду
И зарей улыбки позлати.

Мерзлый сад зимою скучной, голой
Ждет в молчанье, хмурый, невеселый,
Дней весенних и — в цветущих кронах —
Щебета залиvistого птиц.

Странник, долго не видавший крова,
В ночь дошедший до села родного,
Ждет-пождет, когда ж во тьме засветит
С детских лет знакомое окно.

Ждет больной на ложе одиноком —
Сон забыв, глядит тревожным оком
И во тьме нетерпеливо ищет
Первый проблеск медлящей зари.

Ждет мертвец, уже добыча тленья,
Скоро ль грянут трубы воскресенья, —
Но никто и ничего не может
Ждать, как я твоей улыбки жду.

Улыбнись же, муж твой верный просит.
Если взор твой книгу сердца спросит,
Ты же знаешь — то страницы жизни,
Каждым вздохом отданной тебе.

Ты же знаешь — я ль обет нарушу!
Так смотришь, как в зеркало, мне в душу,
Ты в ней вся, но вся — в увеличенье:
Глубже ран твои морщинки в ней.

Страж твоих счастливых сновидений,
Я целую губы, грудь, колени,
Всю тебя, моих блаженств источник,
Улыбнись же наконец, жена!

Август 1847 г.

В полусне

Грудь возлюбленной,
ты ль не прекрасна!
С грустью твоей
мое сердце согласно.

Пой мне, пой,
соловушка милый!
Чудная песня —
любовь до могилы!

Золота, серебра
мне не надо.
К черту! От них
лишь тоска и надсада

Сколько цветов!
Как пахнет всюду!
Мир — точно сад,
не верится чуду.

Скоро в печали
небо застонет.
Все украшенья
наземь уронит.

С неба высокого
звезды сорвутся,
в яркий венец
надо мною совьются.

Цепи звенят...
Как, цепи? Какие?
Мы ведь разбили
все цепи людские.

Лязгают цепи
не на руках.
Падают, лязгая,
падают в прах.

В битве великой
был я с друзьями,
нес пред рядами
славное знамя.

Раненный тяжко,
вернулся домой.
Зажили раны,
кончился бой!

Спи же, любимая,
спит и природа.
О, Любовь!
О, святая Свобода!

Январь 1848 г.

Республика

Республика — Свободы мать и дочь!
Скиталица — как Ракоци с друзьями!
Ты миру благоденствие несешь,
Приди ж, приди и будь вовеки с нами.

Уже я твой, хотя ты далека
И злейшему приравнена проклятью,
Хотя доньне чтут и славят тех,
Кто требует предать тебя распятью.

Уже я твой, я твой уже теперь!
Потом придут приверженцев оравы,
Когда на прах разбитого врага
Глядеть ты будешь в блеске юной славы.

Республика, клянусь, ты победишь,
Хоть будут Небо и Земля преградой!
Как новый, но святой Наполеон,
Мир покори и страждущих обрадуй!

И тех, кого твой взор не обратит,
Сияющий нежнейшим светом рая,
Да обратит безжалостный твой меч,
Во имя справедливости карая.

Ты победишь, тебя повсюду ждут,
И для триумфа — арка наготове.
Она украсит многоцветный луг
Иль утвердится над рекою крови.

Хотел бы знать я, буду ли я там,
На празднике победы всенародной,
Иль смерть меня до срока унесет,
Чтоб узником держать во мгле холодной.

О, если праздник будет без меня,
Друзья мои, припомните на пире,
Что я республиканец — был им здесь
И буду там — в другом, в загробном мире.

Я буду ждать — Республике «ура!»
Придите возгласить к моей могиле,
И снидет мир на скорбный прах того,
Чье сердце и страданья не сломили.

Август 1848 г.

*Главнокомандующий
венгерскими
революционными войсками
генерал Бем.
Рисунок Петефи.*